

БИОЭТИКА КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ОТКРЫТИЕ ДРУГОГО (В. В. ВЕРЕСАЕВ И Х. Т. ЭНГЕЛЬГАРДТ-МЛ.)

Тищенко П. Д.

Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: p.tishchenko@list.ru.

Аннотация. В статье представлен путь формирования биоэтики как практической философии, *культивирующей* особою областью свободы человека, в центре которой лежит идея самодовлеющей ценности *другого*, который радикально отличен от «моего другого» (М. М. Бахтин). Биоэтика формирует и культивирует в практической жизни сознание открытое присутствию другого, признанию безусловной ценности *уникального существования* этого человека, которые выше ценности так или иначе понимаемой его *сущности (закона)*. Шаг, сделанный в начале XX века В. В. Вересаевым, который опубликовал «Записки врача», разоблачившие недобровольные медицинские эксперименты на людях и гордыню врачей, играющих в бога, а так же шаг на рубеже XXI века философа, врача и богослова Х. Т. Энгельгардта — это две крайние метки на пути развития биоэтики как практической философии. Сущностей человеческого в человеке можно помыслить много, но человек как сущий

всегда один. Поэтому, как утверждает Х. Т. Энгельгардт, нас, в основании, не могут связать содержательные этические идеи. В своих содержательных интерпретациях мы стремительно разбегаемся в разные стороны. Поэтому он предлагает созвучный конфуцианским идеям процедурный *принцип разрешения*, на основе которого строится система процедур биоэтики — принципов и правил. Принципы (благотворительности, невреждения, автономии, справедливости) — это не содержательные положения, а вопросы, которые надо обсудить с пациентом или испытуемым для получения его разрешения. Процедурные основания биоэтики определяют особый тип «зоны свободы», в которой «моя свобода» соотнесена со свободой других людей, изначально мне непонятных. Процедура сохраняет и защищает другого от моей попытки понять (усвоить), превратить его в «моего другого». Одновременно процедуры обеспечивают «встраивание» пациентов и испытуемых в цепочки социально распределенного производства биомедицинского знания.

Ключевые слова: биоэтика, биоэтические процедуры, другой, «Записки врача» В. В. Вересаева, зона свободы, игра в бога, «мой другой», практическая философия, принцип разрешения, Х. Т. Энгельгардт-мл.

BIOETHICS AS PRACTICAL
PHILOSOPHY AND THE
DISCOVERY OF THE OTHER
(V. V. VERESAEV AND H. T.
ENGELHARDT, JR.).

Tishchenko P.D.

Tishchenko Pavel Dmitrievich — Doctor of Philosophy, Chief Scientific Associate, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 109240, Moscow, 12, Goncharnaya building 1. e-mail: p.tishchenko@list.ru

Abstract. The article presents the way of formation of bioethics as a practical philosophy cultivating a special area of human freedom, which is centered on the idea of the self-sufficient value of the other, which is radically different from “my other” (M. M. Bakhtin). Bioethics forms and cultivates in practical life a consciousness open to the presence of the other, recognizing the unconditional value of this person’s unique existence, which is higher than the value of his or her essence (law) understood in one way or another. The step taken at the beginning of the 20th century by V. Veresaev, who published “Notes of a Doctor” that exposed involuntary medical experiments on humans and the hubris of doctors playing God, and the step taken at the turn of the 21st century by philosopher, physician and theologian H. T. Engelhardt are two extreme marks on the way to the development of bioethics as a practical philosophy. The human essences

in man can be thought of many, but man as existing is this one. Therefore, as H. T. Engelhardt argues we cannot, in grounds, be bound by substantive ethical ideas. In our substantive interpretations we are rapidly scattering in different directions. Therefore, he proposes a procedural principle of authorization consonant with Confucian ideas, based on which the system of bioethics procedures — principles and rules — is built. The principles (beneficence, do no harm, autonomy, justice) are not substantive statements, but issues to be discussed with the patient or subject to obtain his or her authorization. The procedural foundations of bioethics define a specific type of “zone of freedom” in which “my freedom” is correlated with the freedom of another persons. Procedure preserves and protects the space for the other from my attempt to understand (internalize), to turn him or her into “my other”. At the same time, procedures ensure that patients and subjects are “embedded” in chains of socially distributed biomedical knowledge production.

Key words: bioethics, bioethical procedures, other, “Notes of a Doctor” by V. V. Veresaev, zone of freedom, playing god, my other, practical philosophy, principle of permission, H. T. Engelhardt, Jr.

Перевод на английский язык сделан DeepL

Введение. Размышляя о практической философии, которая, в отличие от этики как гуманитарной науки, непосредственно включена в жизнь человека, А. А. Гусейнов формулирует несколько принципиально важных положений¹. В качестве философско-методологической предпосылки предполагается, что «[п]роблемы практической философии, как бы расширительно они ни понимались и на какой бы научной базе они ни осмысливались, так

---

¹ Гусейнов А. А. Практическая философия: ответы на современные вызовы, 2023 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskaya-filosofiya-otvety-na-sovremennye-vyzovy>

или иначе, оказываются связаны с этическим измерением человека»². Причем «этическое измерение», которое оценивает человеческие поступки и действия с точки зрения блага, в контексте классического самосознания конкретизируется в идее *свободы*. Тем самым фактически «признается то, чем на самом деле является практическая философия. Она <...> *есть философия, имеющая своим предметом область свободы*. Этим она отличается от теоретической философии, имеющей своим предметом *область необходимости*»³. В свою очередь свобода «*есть то в человеке, что исходит от него самого и что он сам задает себе в качестве того, что он должен делать*. За ней всегда маячит этика, проблема осмысленной жизни. Это составляет ядро практической философии, поэтому она так или иначе всегда упирается в проблему *сознания и доброй воли* (курсив мой — П.Т.)»⁴.

Позиция А. А. Гусейнова аутентично выражает основополагающую интуицию классического рационализма, сформулированную в третьей антиномии И. Канта: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность. Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы»⁵. Теоретическая философия осмысляет мир, *как если бы* в нем все явления были детерминированы предшествующими причинами, совершались с *необходимостью*, вне зависимости от присутствия человека. Практическая философия не просто допускает существование свободной причинности, но полагает ее в этическом самосознании в качестве своего основания — *блага или цели благой жизни*. Если физическая причинная связь описывает детерминацию явлений (феноменов) *извне*, в соответствии с природным законом, то свободная причинность ищет основание в самом человеке как ноумене, как некоторую способность *самодетер-*

---

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 3. М.: Мысль. С. 418–419.

терминации. В идее свободы человек осознает себя как причину самого себя (*causa sui*).

В статье, предлагаемой читателю, будет сделана попытка понять биоэтику как особую форму практической философии. Для этого необходимо будет показать, как в ней реализуется *биоэтическое измерение* как особого рода *область свободы*. Эту область нельзя охватить взглядом классического рационализма. Для погружения в нее, мышления и осуществления *ответственного* поступка в ней нужен опыт иного типа рациональности, другое понимание *свободы воли и сознания*.

Определенный задел для решения поставленной задачи — понять биоэтику как особого рода практическую философию — уже сделан в обсуждении особенностей биоэтики, мотивом которых выступала задача профессионального самосознания⁶. Что такое биоэтика? Является ли она вариантом прикладной этики или предмет ее исследований принципиально иной? В этих обсуждениях было сформулировано несколько принципиально важных результатов. Во-первых, биоэтика является не просто «прикладной» этикой, но и «прикладной» антропологией. Во-вторых, биоэтическое измерение формируется как изначально междисциплинарное и трансдисциплинарное, включающее не только экспертные, но и профанные дискурсы. В-третьих, биоэтика как форма философского мышления не пытается свести многообразие этических и антропологических идей в их сопряжении с бытовым самопониманием человека к некоторому общему основанию (обобщить). Она ставит иную цель — обеспечить *коммуникабельность* разбегающихся моральных и антропологических «точек зрения» в решении общих, экзистенциально важных задач, постоянно порождаемых *инновационным* развитием биомедицины. Четвертой, ранее обсуждавшейся особенностью, является понимание человека как существа, погруженного в поток становления. Здесь центральной выступает антропологиче-

---

⁶ Тищенко П. Д. Философия морали и биоэтика (размышления по поводу доклада А. А. Гусейнова) / Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 2 (30). С. 130–137.

ская идея Б. Г. Юдина, согласно которой границы человеческого в человеке необходимо понимать как зоны фазовых переходов⁷. Это антропология не *бытия* человека, а его постоянного *становления* иным. *Антропология становления*. Биоэтика решает нетривиальную задачу обеспечения стабильности в потоке изменений. Причем решает не теоретически, а практически не только в смысле соучастия в работе разного рода социальных институтов (например, этических комитетов), но и в философском смысле — не только осмысляя со стороны зону свободы (биоэтически), но *культивируя ее* в своей каждодневной жизни.

Поэтому для себя как философа я ставлю пятую задачу — как мыслить другого не как «моего другого», а как реального *другого*, *не покушаясь на его свободу самопонимания и самостоятельной жизни*? Ранее я ставил эту задачу иначе — *как возможно мыслить инакомыслие?*⁸ Но задача не сводится к мыслительной деятельности.

Биоэтика и новый философский рационализм. Сформулированная А. А. Гусейновым идея практической философии подсказывает возможность взглянуть на биоэтику с иной стороны, подчеркнув ее сугубую особенность в трактовке идеи *блага как свободы* в иной плоскости различения свободы и необходимости, теоретического и практического философствования. Изнутри моего опыта и понимания новой ситуации в науке, в которой с неизбежностью рождается биоэтика, формируются основы нового философского рационализма. Возникает или, точнее говоря, возникают иные формы рациональности. Принятая у нас схема типов рационализма В. С. Степина предлагает интересную гипотезу усложнения рационалистического мышления, но, с моей точки зрения, осмысляется им изнутри догматизированного (в смысле И. Канта) классического мировосприятия, характерного для науки, завершившейся в середине XX века. При таком под-

---

⁷ Тищенко П. Д. «Что такое человек?» Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 5–17.

⁸ Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб МР. 2011.

ходе мира, открываемые новыми типами рационалистического мышления, по сути, оказываются лишь усложненными мирами классической физики, отличаясь друг от друга размерностью степеней свободы.

С моей точки зрения, в современной науке возникает радикально иной тип рационалистического мышления, которое я связываю с *инновационным, социально-распределенным производством* знаний, умений (технологий) и нормативных этико-правовых порядков. В общей форме новую ситуацию можно охарактеризовать следующим образом. В качестве парадигмальной науки мной рассматривается не физика, а биология в широком смысле, включая соответствующие медицинские исследования. О возможности такой позиции писал в прошлом веке И. Т. Фролов, называя грядущий XXI век веком биологии. Именно в биологии рациональность социально-распределенного производства знаний, ориентированного на инновационное развитие, оказывается наиболее востребованной. Открытия и изобретения (цели классической науки) становятся *инновациями* (социально востребованными продуктами) в гетерогенной сети социальных агентов, *потребляющих знания других производителей, производя свои собственные*⁹.

Знания, полученные в научных лабораториях, распространяются в обществе путем производства новых знаний его потребителями: учеными различной специализации, технологами, бизнесменами, биоэтиками, юристами, политиками, практикующими врачами и медицинскими организациями, и, наконец, профанами как потребителями конкретных услуг и продуктов. Рациональность, понимаемая как отрефлексированная обоснованность дискурсивных практик, с необходимостью оказывается

---

9 Gibbons, M., Limoges, C., Nowotny, H., Schwartzman, S., Scott, P., and Trow, M. (1994) The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London: Sage. (16) (PDF) *Mode 2 Knowledge Production in the field of Management*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/4868924_Mode_2_Knowledge_Production_in_the_field_of_Management [accessed Oct 11 2023].

различной в различных (гетерогенных в отношении друг друга) локусах социально-распределенного производства знаний. В этом смысле речь идет не просто сложной, но о сложностной (в смысле В. И. Аршинова) организации рациональности. Следует подчеркнуть, что вопрос ставится не о рациональной связанности полученных в сети гетерогенных знаний, но о связанности через их производство. Целью этого производства является знание не как *отображение* объективной необходимости природных явлений жизни, а как способ ее (человеческой жизни) *преобразования*. Происходит своеобразное замыкание познавательной деятельности. Человек как субъект познавательной деятельности обнаруживает себя самого в качестве ее особого рода объекта.

Пафос и патос классического рационализма. В чем особенность человека как объекта науки? Возникнув в качестве естественных наук, биология и медицина на протяжении столетий не различали присутствия в своем объекте «свободной причинности», т. е. человека как личности. Жизнь без остатка погружалась в мир, описываемый антитезисом третьей антиномии И. Канта — нет никакой свободной причинности, все детерминировано причинами. Результатом подобного неразличения был не только рост массива объективных научных знаний, но и реестр морально предосудительных поступков ученых.

Биоэтика возникает именно тогда, когда обнаруживается, что объективный физикалистский подход в биологии и медицине не просто недостаточен, но и чреват негативными последствиями. Причем важно понимать, что пафос научного познания, его возвышенная миссия неразрывно связаны с его патосом — заложенным в том же основании источником возможных преступлений.

Вспомним И. Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*».¹⁰ Чувство возвышенного удивления и благоговения возникает вследствие того, что в клас-

---

¹⁰ Кант И. Сочинения в 6 томах. т. 4. ч.1 М., 1965. М. С. 499.

сическом рационализме внешний мир и внутренний предстают с «божественной точки зрения» (И. Пригожин, И. Стенгерс) как независимые от познающего разума, как объективные *отображения* реальности, ее необходимости в форме *законов*. Подчеркнем — *закон* является истинной формой существования знания и для теоретического, и для практического разума. Внутренний мир с позиции божественного наблюдателя так же предъясвляет себя в форме *закона* (*морального закона*), принципа — проверенной на всеобщность с помощью критической рефлексии *максимы* человеческого поступка, принципиально не зависящей от эмпирических условий. Этот закон является законом свободы лишь в том смысле, в котором разум предписывает его себе *сам* для безусловного исполнения. *Свобода* человека как разумного существа реализует себя в *поступке*, осуществленном в соответствии с *моральным законом*. Но если закон уже проверен и принят к должному исполнению, то свобода превращается в действие на основе *осознанной необходимости* (долга). Человек как законодатель свободен, но как законопослушный исполнитель — он лишь поступающая морально марионетка.

В пафосе классического рационализма заключен его патос, который я опознаю, как искушение *гордыни* — игры в бога. Бог в религиозном сознании, почитаемый христианами, иудеями, мусульманами, всемогущ, всеведущ, свободен и всеблаг. Разум классического (научного) рационализма, претендующий на видение мира с божественной точки зрения, с необходимостью оказывается охвачен *гордыней*. Забывая о своей конечности (человечности), он «играет в бога», мня себя всеведущим, всеблагим и всемогущим — через это — *свободным*. В медицине (как и других науках) на протяжении веков постоянно возобновляется иллюзия того, что ученые *вот-вот* станут обладателями достаточного объема знаний для *обеспечения бессмертия* (всемогущества). Поэтому любое приращение знаний — безусловное *благо* для человечества. И, следовательно, *человеческие жертвы* на алтарь науки имеют фундаментальное моральное обоснование. Моральный закон, имеющий тот же статус, что и закон неба (законы Нью-

тона), выражает необходимость (императивность), игнорируя частные случаи. Что бы ни случилось с реальными людьми в реальных обстоятельствах, он будет вызывать восхищение.

Категорический императив И. Канта (как всеобщая максима) настаивает на требовании рассматривать любого человека не только как средство, но и как цель, казалось бы, защищая свободу отдельного человека. Но дело в том, что эта свобода свободна не в форме произвола, а лишь как всеобщая — законосообразная. Причем эта законосообразная сущность человека для обывателя не наблюдаема. Она, как и законы неба, раскрыта в умном созерцании философа (ученого). Многообразное *существование* человечества не имеет смысла перед раскрываемой *сущностью* человечества в лице самого ученого («моем лице», как сказал бы Кант). Отсюда вырастает, как из естественного основания, оппозиция альтруизма и эгоизма, общественного и индивидуального. Благо — это то, что является общим для всех нас. Общее — это предмет науки. Индивидуальные различия значения не имеют. Отсюда следует с необходимостью, что *врач как ученый знает лучше пациента*, в чем его благо, одновременно мысля это благо в категориях общего блага. Поскольку получение новых научных знаний является общим благом, то, проводя лечение пациента, позволительно не спрашивать его (пациента, испытуемого) согласия. Здесь нет эффекта недобровольности и нарушения свободы пациента. Добрая свободная воля с необходимостью следует общему благу, а она по природе своей альтруистична. Эгоистичное нежелание принять участие в экспериментах в качестве испытуемых морально предосудительно. Врач видит в пациенте не другого человека, а, выражаясь словами М. М. Бахтина, «своего другого». Не автора какого-то своего, неизвестного ученому поступка (произведения), а «со-автора» его (ученого) поступка (произведения).

Открытие человека как уникального существа. Открытие ценности и морального смысла значения уникального человеческого существования — это событие, начавшееся в конце XIX века и не заверенное до сих пор. Оно захватывает все пласты

человеческой жизни. Ограничусь лишь примером философии, указав на произведения Сьёрена Кьеркегора и Льва Шестова, подвергших классический философский рационализм (они его связывали с философией Г. В. Ф. Гегеля) критике с позиций религиозного экзистенциализма. После последнего взлета идей классического рационализма, представленных в работах феноменологической школы Э. Гуссерля, импульс религиозного экзистенциализма получил развитие в философских исследованиях мыслимости *другого как не моего другого*. Концепции Э. Левинаса и Ж. П. Сартра — важнейшие вехи на пути нового типа самосознания человека. В целом, можно сказать, что возникла новая чувственность, позволившая разуму постепенно начать различать смысл и ценность уникального, единичного человеческого существования. Собственно говоря, из этой новой чувственности рождается взгляд на мир, который в середине XX века начинает институализироваться в движении, получившем название *биоэтика*.

С исторической точки зрения мы вправе связать рождение биоэтики с публикацией в 1901 году «Записок врача» В. Вересаева. Напомним, что Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович) был уникальным представителем русской интеллигенции — практикующим врачом, организатором больницы, известным писателем и переводчиком Гомера на русский язык. В. Вересаев на основе публикаций в научных медицинских журналах описал многочисленные опыты на здоровых людях и пациентах. Эти опыты совершались без их согласия и приводили к тяжелым нарушениям их здоровья. Например, он описывает опыты киевского профессора Х. фон Гюббенета, который прививал испытуемым сифилис. Испытуемыми были, по словам самого экспериментатора, находившийся «в цветущем здоровье» 20-летний фельдшер и поступивший в госпиталь солдат с заболеванием мочевого пузыря. В этой ситуации без согласия испытуемых было причинено тяжелейшее, в то время неизлечимое, быстро разрушающее жизнь страдание.

Научные журналы (как отечественные, так и зарубежные) публиковали без всяких сомнений подобного рода научные дан-

ные. Врач-экспериментатор рассматривал себя в качестве жреца, приносящего необходимые для достижения общего блага, а следовательно — морально обоснованные жертвы на алтарь науки. Например, французские инфекционисты заражали сифилисом проституток и затем отслеживали пути распространения инфекции у их клиентов. Американские ученые для исследования течения того же сифилиса в «естественных условиях» в проекте, длившемся около 30 лет, использовали несколько сотен афроамериканцев в качестве контрольной группы. Их не лечили. Просто наблюдали, как естественно протекает их заболевание, хотя возможности лечить уже появились. Симптоматично, что ученые помнят героические поступки своих коллег, с риском для жизни ставивших эксперименты на себе. Но они не помнят тысячи погибших и искалеченных пациентов, на которых проводились научные медицинские эксперименты. Достаточно вспомнить, что после первой попытки пересадки сердца К. Бернардом в 1967 году было проведено *подряд* около 160 неудачных попыток пересадки сердца. Павловской собаке, принесенной в жертву на алтарь науки, установлен памятник на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге. Памятника погибшим в экспериментах пациентам пока не установлено. Здесь нет ничего случайного. В оптике взгляда, различающего законосообразную *сущность*, неразлично *несущественное* — уникальное человеческое *существование* (жизнь).

Сочетание в сознании В. Вересаева мировосприятия врача (ученого) и писателя позволило ему различить проблему аморальности человеческих жертвоприношений на алтарь науки. Эту форму аморальности я обозначаю как гордыню или игру в бога.

Повторюсь. Смысл и моральная сомнительность традиционного патернализма строятся на очевидных для врачебного сознания предположениях:

1. врач — единственный, кто знает, что происходит с пациентом (всеведущий);
2. врач — единственный, кто понимает, в чем состоит благо пациента (всеблагод);

3. единственный, кто ему может помочь (всемогущий) и
4. Единственный, кто совершает выбор того или иного действия, — свободный человек. Добродетель пациента — послушание (комплаентность). Поэтому длительное время существовала лишь врачебная этика или деонтология. Пациент как *свободная* личность в горизонте научно обоснованного врачевания отсутствовал.

Биоэтика возникает как своеобразное *покаяние* медицинского сообщества в моральной несостоятельности — *гордыне*. Первый шаг был сделан В. В. Вересаевым. В дальнейшем развитии биоэтики можно выделить историческое событие — Нюрнбергский процесс над нацистскими врачами (1946–1947), проводившими смертельные эксперименты над заключенными. В основе их оправданий постоянно звучал тезис: «Мы получали объективное знание, работали в интересах человечества». В заключении по делу врачей, включавшем свод морально обоснованных правил проведения экспериментов на людях, было сформулировано правило, составляющее смысл биоэтики: *благо* пациента (испытуемого) выше *блага* человечества, заключающегося в получении объективных научных знаний.

Но как в реальных отношениях «врач — пациент» сохранить свободу этого пациента, безусловную значимость его собственного понимания своего блага? Как сохранить в сложнейших межличностных взаимодействиях свободу другого как другого? Как раскрыть собственное сознание для обеспечения в нем «места» дружности другого человека?

Шаг, сделанный в начале XX века В. В. Вересаевым, открывший другого как страдающего другого человека, уникальная жизнь которого имеет значение, был продолжен в исследованиях биоэтиков (философов, богословов и врачей) во второй половине века. Особое место в этом процессе занимает Х. Тристрам Энгельгардт-мл. (H. Tristram Engelhardt Jr). Для меня это место имеет особый смысл постольку, поскольку предложенный им *принцип разрешения* (ниже о нем будет сказано чуть подробней) является *стыковочным узлом* в сетях социально распределенного про-

изводства знаний тогда, когда исследование конкретного актора затрагивает человека как объект биомедицинского воздействия.

Говоря о В. В. Вересаеве, я подчеркнул незаурядность этого образцового русского интеллигента. Второй, принципиально важный (с моей точки зрения) шаг в развитии биоэтики как практической философии был сделан не менее замечательной фигурой. В России американская культура воспринимается чрезвычайно однобоко, в основном через призму условного «севера». Южная культура «рабовладельцев» с особенностями ее менталитета, искусства и религиозной жизни остается малоизвестной. Представителем этой культуры является Х. Т. Энгельгардт-мл. (1941–2016). Он родился в католической семье, участвовал в движении молодых католиков, потомственный врач, либерально-консервативный философ (гегельянец), учившийся в немецких университетах, один из лидеров американской биоэтики и, в конце жизни, православный богослов (греческий). Многие годы он преподавал не только в США, но и в Китае, неоднократно подчеркивал, что менталитет американского Юга (*фронтира*) резонирует с китайским менталитетом.

Х. Т. Энгельгардт-мл. известен как разработчик «процедурной» биоэтики, развитие идей которой представлено в нескольких изданиях «Оснований биоэтики» — «Foundations of Bioethics» (первое издание — 1986 год, считается стандартным существенно переработанное второе издание 1995 года, серия следующих переизданий включала лишь малозначительные дополнения и уточнения).

Основной вопрос его биоэтики — как в ситуации «какофонии» светских и религиозных «этик» возможна идея благой совместной жизни? Или как возможна биоэтика для незнакомцев (bioethics for strangers)? Эта биоэтика не может иметь содержательной интерпретации, т. к. именно в содержательных интерпретациях этические позиции расходятся, отрицают друг друга. Каждая из содержательных интерпретаций блага может стать основанием своей особой «биоэтики для друзей» (bioethics for friends), например, он сам разработал свой православный вари-

ант «христианской биоэтики». Но расширяющееся многообразие «биоэтик для друзей» лишает нас надежды найти некоторое общее основание для совместной благой жизни. Идея процедурной биоэтики Х. Т. Энгельгардта-мл. — это ответ на вызов множественности в сердце этического самопонимания. Нас, свободных людей, могут связать вместе лишь формальные (пустые с точки зрения содержания) процедуры, которые позволяют «незнакомцам», вступая в отношения друг с другом, избегать насилия друг над другом, признавая и уважая право другого на собственное понимание идеи блага.

Энгельгардт полагал, что вся система принципов и правил биоэтики, которые он трактует чисто процедурно, может быть выведена из *принципа разрешения* (principle of permission). Когда в битком набитом вагоне метро нам надо пройти к выходу, мы *ритуально* произносим: «Простите, позвольте пройти». Такого рода ритуальная фраза, которая часто звучит на перекрестках человеческих отношений, как раз и разъясняет смысл принципа разрешения.

Философское обоснование принципа разрешения у Энгельгардта в разных контекстах строится на разных основаниях. Перечислю три главных. Во-первых, это культура правового общества, правосознания граждан, которые связаны друг с другом не этническими или религиозными связями, а «пустыми» (чтоб избежать взаимного насилия) нормами права. Это уважительное отношение к человеку в «третьем лице», *любовь к дальнему*. В гражданских отношениях этот «дальний» часто сводится к пустому «голосу». Но признание в рамках демократических процедур этого голоса является важным условием совместной благой жизни граждан друг с другом. Содержательная этика строится на *любви к ближнему*, на эксклюзивных отношениях соплеменников, однопартийцев и единоверцев. Во-вторых, это гегельянская идея нравственности (Sittlichkeit), которая предполагает растворенность моральных «идей» в габитусах (процедурах) каждодневной, практической, политической жизни. Без нравственности в этом смысле нет морального (этического) самосознания. Проце-

дура или ритуал — это место встречи людей, различно понимающих свою свободу и, одновременно, признающих право других на их собственное понимание свободы. Социальные ритуалы лежат в основе реальных социальных или моральных практик. Как считает Х. Т. Энгельгардт: «Этические нормы, реально и надежно влияющие на поведение, становятся привычными способами действия, привычками сердца, реализуясь в конкретных, уникальных, социально-исторически обусловленных контекстах. В результате в реальных этических сообществах легко сказать, как следует поступать, без формулировки абстрактных, философских или моральных критериев. Этическая норма, не нашедшая своего воплощения в реальной общественной практике, не выдержит испытания и не будет обладать достаточной социальной спецификой, чтобы надежно направлять поведение»¹¹. В-третьих, Х. Т. Энгельгардт-мл. полагал, что между его идеями процедурной биоэтики и конфуцианской этикой, настаивающей на безусловной ценности исполнения ритуалов, существует определенного рода «эстетическая» связь (единство без общего основания). Нужно отметить, что в работах китайских учеников Энгельгардта эта связь приобретает черты синергии, позволяя традиционные конфуцианские ценности встраивать в современный технологически обустроенный мир рыночных отношений.

Заключение. Мы рассмотрели два шага на пути формирования биоэтики как особого типа практической философии, в основании которой лежит идея самодовлеющей ценности *другого*, который радикально отличен от «моего другого» (М. М. Бахтин). Шаг, сделанный в начале XX века В. В. Вересаевым, и шаг на рубеже XXI века философа, врача и богослова Х. Т. Энгельгардта — лишь две метки на пути развития биоэтики, философская практичность которой выражается в культивировании процедур (ритуалов), защищающих безусловную ценность уникального существования другого человека.

---

¹¹ Engelhardt, H. Tristram Jr. Ethical norms and social rituals URL: https://herdeditorial.com/media/product_attachment/Argumenta/9788425442018/2._Ethical_norms_and_social_rituals.pdf

Литература

Гусейнов А. А. Практическая философия: ответы на современные вызовы, 2023 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskaya-filosofiya-otvety-na-sovremennye-vyzovy> (дата посещения 13.10.23)

Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 3. М.: Мысль. С. 418–419.

Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. М. С. 499.

Тищенко П. Д. Философия морали и биоэтика (размышления по поводу доклада А. А. Гусейнова) / Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 2 (30). С. 130–137.

Тищенко П. Д. «Что такое человек?» Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 5–17.

Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики СПб МИР. 2011.

Engelhardt, H. Tristram Jr. Ethical norms and social rituals URL: https://herd-ereditorial.com/media/product_attachment/Argumenta/9788425442018/2._Ethical_norms_and_social_rituals.pdf (дата посещения 10.10.23)

Gibbons, M., Limoges, C., Nowotny, H., Schwartzman, S., Scott, P., and Trow, M. (1994) *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies*. London: Sage. (16) (PDF) *Mode 2 Knowledge Production in the field of Management*. URL: https://www.researchgate.net/publication/4868924_Mode_2_Knowledge_Production_in_the_field_of_Management (дата посещения 11.10.23)